

ДЕМОКРАТИЯ, ПАРТИИ, ИДЕОЛОГИИ

УДК 321.728; 329.8

Клаус Шуберт, И.А. Кочев

КОНЕЦ ПАРТИЙНОЙ ДЕМОКРАТИИ В ГЕРМАНИИ?¹

Отталкиваясь от текущей ситуации, авторы ставят вопрос о будущем партийной демократии в ФРГ. Анализируя роль партий в государстве и обществе, партийную систему и посредническую роль партий, авторы констатируют сохранение важной формальной роли партий при одновременной потере легитимности и фрагментации партийного ландшафта и делают вывод о необходимости демократизации общества в целом.

Ключевые слова: Германия, партийная демократия, партии, легитимность, демократизация.

Введение

Современные политические партии, появившись в ходе процессов демократизации государств Западной Европы в XIX веке, задали вектор демократического развития всему миру – на сегодняшний день партии являются неотъемлемой частью политической системы подавляющего большинства стран мира, как демократических, так и авторитарных и даже тоталитарных. При этом с течением времени постоянно изменялась не только партийная система как таковая, но и роль партий в обществе и государстве. Следовательно, эти изменения происходят до сих пор, и сегодняшняя демократия – уже не та демократия, что была 50 и даже 20 лет назад. Для того чтобы понять эти трансформационные процессы, имеет смысл обратить пристальное внимание на «колыбель» современных партий – Западную Европу – и нации с сильной репрезентативной традицией в особенности. Ярким образцом представительной демократии может служить некогда «витрина капитализма» и «форпост демократии» в Европе, а сегодня локомотив Европейского союза – ФРГ.

Среди множества определений, которыми характеризовалась политическая система ФРГ за последние шестьдесят лет, особенное место, несомненно, занимает термин «партийная демократия». Партийная демократия подразумевает не только исключительно позитивную роль, которая отведена партиям в § 21 Основного закона², но и реальное влияние партий во многих сферах политической и общественной жизни – начиная от реализации политических программ в интересах своих избирателей и клиентуры и выбора полити-

¹ Авторы сердечно благодарят Флориана Бланка за первичную редакцию этой статьи.

² Конституции ФРГ. – *Прим. авт.*

ческого руководства и заканчивая участием в телерадиосоветах¹ и порой большим значением «правильного» партийного билета для профессиональной карьеры, не только на государственной службе.

Но с чего начинается партийная демократия? Термин «партийная демократия» отражает центральное положение, которое занимают партии в политической системе ФРГ и которое включает в себя как их общественные аспекты – в качестве свободных объединений граждан, – так и их функции в политико-административной системе в более узком смысле – в качестве организаций, которые в значительной степени определяют политическую власть в Германии, эту власть используют и защищают, и тем самым указывают на их роль «шарниров или мостов», соединяющих «государство» и «общество» друг с другом. Для конкретизации положения и функций партий в обществе политологи составляли для них целые списки задач [например, 1. S. 213–221; 2. S. 19–25], которые они должны были выполнять и выполняли в демократии и для демократии. Франк Декер справедливо замечает, что политология в этом смысле частично попала на удочку своему собственному предмету исследования: часто приписываемые партиям исключительно доброжелательные свойства и функции они сами же себе и приписывают [3. S. 19–20]. Например, обширный список задач, которые возложены на партии согласно абзацу 2 § 1 Федерального закона о политических партиях: участие в формировании политической воли народа во всех сферах общественной жизни, влияние на формирование общественного мнения, стимулирование и повышение качества политического образования, содействие участию граждан в политической жизни, воспитание граждан, способных брать на себя политическую ответственность, участие в федеральных, региональных и муниципальных выборах путем выдвижения кандидатов, влияние на политические процессы в парламенте и правительстве, разработка и включение в процесс государственного волеизъявления политических целей, забота о постоянной и оживленной связи между народом и органами государственной власти, – не был составлен беспристрастным законодателем, а изначально отражал политическую реальность – закон о партиях вступил в силу лишь к «совершеннолетию» республики, в 1967 г.

Политические партии ФРГ обладают монопольным правом на формирование фракций в законодательных собраниях все трех уровней: федеральном (бундестаг), региональном (ландтаг) и муниципальном (совет общины/городской совет). При этом победившая на выборах партия получает право на формирование правительства, и ее лидер возглавляет исполнительную власть (на федеральном уровне – канцлер, на региональном – глава правительства земли). Исключение составляют муниципалитеты, исполнительную власть которых возглавляют бургомистры, в основном избираемые прямым голосованием. Для обеспечения стабильного большинства и в силу исторических причин Основной закон снижает представительство партий на федеральном и региональном уровнях, устанавливая пятипроцентный барьер. Кроме того, партии, цели которых и поведение сторонников которых нару-

---

¹ Высший орган надзора за содержательной частью немецких общественно-правовых телерадиокомпаний, состоящий из членов общественных организаций и объединений. – *Прим. авт.*

шают либо могут устранить свободный демократический порядок или угрожают ФРГ, могут быть объявлены Федеральным конституционным судом неконституционными. В настоящее время в бундестаге семнадцатого¹ созыва представлены шесть партий:

Социал-демократическая партия Германии (СДПГ, нем. «SPD») – старейшая партия Германии, основанная еще в 1875 г. как социалистическая рабочая партия. Заново основана в 1945 г., после годесбергского съезда 1959 г. трансформировалась из марксистской партии в левоцентристскую народную партию. Политические приоритеты – свобода, справедливость, солидарность [4. S. 272–273]. Политический цвет – красный. Результат на выборах – 23% [5].

Христианско-демократический союз (ХДС, нем. «CDU») – надконфессиональная умеренная консервативно-либеральная буржуазная народная партия, основанная в 1945 г. в результате объединения католиков и протестантов. Самая успешная на выборах партия ФРГ: вместе с дочерней партией ХСС образовывала самую крупную фракцию в бундестаге в 1949–1972, 1976–1998 гг. и с 2005 г. Политические приоритеты – социально-рыночная экономика, христианская мораль, традиционные общественные институты. [4. S. 66–67]. Политический цвет – черный. Результат на выборах – 27,3% [5].

Христианско-социальный союз (ХСС, нем. «CSU») – христианско-консервативная надконфессиональная партия, основанная в 1945 г. в Мюнхене. Участвует в выборах исключительно в Баварии, в бундестаге образует фракцию с ХДС. Программно более консервативна, выступает за сильный федерализм [4. S. 67–68]. Политический цвет – черный. Результат на выборах – 6,5% [5].

Свободная демократическая партия (СвДП, нем. «FDP») – либерально-экономическая партия, основанная в 1948 г. Политические приоритеты – свобода экономических отношений, права человека и гражданина [4. S. 112–113]. Политический цвет – желтый. Результат на выборах – 14,6% [5].

Союз-90/Зеленые (нем. «Bündnis 90/Die Grünen») – экологическая партия реформ, созданная в 1980 г. в результате объединения экологических, пацифистских и феминистских движений 1970-х гг. в партию «Зеленые», объединившуюся в 1993 г. с восточногерманским Союзом-90. Политические приоритеты – экология, права человека, демократизация, социальная и образовательная политика [4. S. 61–62]. Политический цвет – зеленый. Результат на выборах – 14,6% [5].

Левая партия (нем. «Die Linke») – левая демократическая партия, созданная в 2007 г. путем слияния ПДС (Партии демократического социализма) – наследницы СЕПГ (коммунистической партии ГДР) – и отколовшейся от СДПГ в 2005 г. ИАРСС (Избирательная альтернатива за работу и социальную справедливость) [4. S. 79, 226, 322]. Политический цвет – красный (темно-красный). Результат на выборах – 11,9% [5].

После шести десятилетий, в течение которых деятельность партий часто удостаивалась похвалы и, вероятно, еще чаще критики, имеет смысл подвести промежуточный итог (о научных дебатах вокруг «партийной демократии»

¹ 2009–2013 гг. Отсчет ведется с 1949 г. – Прим. авт.

и «партийного государства» [См.: 6–9; 1. S. 228–232]). И не столько из-за отмеченного в 2009 г. юбилея республики: подобному обоснованию для подведения итогов свойственна легкая субъективность и даже произвольность (с тем же успехом можно было бы отталкиваться от двадцатилетия воссоединения или 140-летия объединения Германии), сколько из-за того, что партии и партийная система как совокупность партий, их функций и отношений уже давно подвергаются изменениям, которые ставят под вопрос некоторые из основных положений, лежащих в основе партийной демократии.

В новом бундестаге депутаты из шести партий объединены в пять фракций. После последних выборов в Северном Рейн-Вестфалии в мае 2010 г. депутаты из пяти партий образовали также пять фракций, и в совете города Мюнстера на сегодняшний день представлены пять фракций (= партий) и три нефракционных депутата, представляющих три различные партии. Означает ли это конец партийной демократии? Означает ли увеличение числа партий в немецкой политической системе увеличение демократической свободы, многообразия и представительства или же ненадежности, непредсказуемости и даже безответственности?

Независимо от более или менее расплывчатых «функциональных каталогов» представляется необходимым осветить четыре аспекта партийной демократии, чтобы внести ясность в актуальную ситуацию:

- роль партий в государстве;
- роль партий в обществе;
- партии и партийная система;
- роль партий как посредников между государством и обществом.

Положение вещей

Первый аспект, образ и способ включения партий в политическую систему, представляющий собой основополагающий интерес для политической науки и сравнительного анализа в плане «политической инвентаризации», на первый взгляд, кажется, не несет сенсаций: если не принимать в расчет регулярно возобновляемые дебаты [1. S. 106–116] о государственном финансировании партий¹, то в последние десятилетия здесь практически ничего не изменилось. Партии по-прежнему находятся у власти, их правовое положение со всеми его преимуществами неоспоримо и неприкосновенно. Да и могла ли ситуация измениться, если единственными имеющими возможность реально выступить против привилегий партий акторами были сами партии, крайне заинтересованные в сохранении status quo?

Антипартийные настроения, временами весьма распространенные [1. S. 9–11; 10. S. 10], до сих пор не получили в ФРГ политического выражения, если не считать короткую фазу в период становления «зеленых» (конец 1970-х – начало 1980-х гг.) и плоские, в большинстве своем безуспешные ло-

---

¹ Согласно § 18 закона о партиях, партии могут претендовать на частичное финансирование своей конституционной деятельности из государственного бюджета исходя из результатов выборов в европейский парламент, бундестаг и ландтаг, суммы членских взносов и собранных пожертвований. При этом существует определенный «потолок» помощи, и она не является основным источником доходов партии. – *Прим. авт.*

зунги на правом крыле. В качестве релевантной праворадикальной партии федерального уровня можно назвать Национально-демократическую партию Германии (НПГ), поглотившую в конце 2010 г. Немецкий народный союз (ННС): на выборах 2009 г. обе партии вместе собрали 1,6% голосов (1,5 и 0,1 соответственно) [5]; среди региональных партий можно выделить «За Северный Рейн-Вестфалию» с результатом 0,9% на выборах в ландтаг в 2010 г. [11]. Среди молодых политических движений, противопоставляющих себя партийной системе, выделяется созданная в сентябре 2006 г. Пиратская партия Германии, представляющая интересы так называемого «поколения С64»¹ – поколения молодых людей, выросших на компьютерных играх и Интернете, так называемых «digital natives» (пер. авт. с англ. – «рожденные в цифровом пространстве»), родившихся после 1980 г.: средний возраст членов партии составляет 29 лет (от 15 до 35) [12]. Выступающие за полную свободу в Интернете и послабления в праве интеллектуальной собственности под лозунгом «Свободные знания», а также за защиту персональных данных и «прозрачное государство» «Пираты» набрали наибольшее число голосов из числа «прочих партий» на последних выборах в бундестаг – 2% [5]. Стоит заметить, что даже партии, выступающие против партийной системы, являются теми же партиями, которые стремятся использовать имеющуюся у них власть в собственных целях; это подтверждает и опыт других европейских стран.

Если же не учитывать формально-юридические аспекты господства партий и вовлечение партий в высокие и верховные политические органы, а расширить взгляд на всю демократическую систему ФРГ, включая местное самоуправление, то положение дел представится немного другим. Хотя в специальной литературе подчеркивается, что партии доминируют также в муниципальной политике, в первую очередь, над своими конкурентами – гражданскими инициативами и свободными объединениями избирателей [13. S. 226], – это больше не соответствует действительности там, где незначительный количественный состав партий препятствует тому, чтобы партии вообще могли выдвигать кандидатов на государственные должности: «Так как партиям все сложнее выставлять кандидатов на муниципальные выборы, появилась новая тенденция: во всех трех восточногерманских землях² бросается в глаза растущее число беспартийных кандидатов. В Саксонии-Ангальт их доля составляет около 40 процентов. Между тем, даже крупные партии открыли свои списки этого порядка для кандидатов без партийного билета» [14]. К этому следует добавить, что порой возникает ситуация, когда на некоторые выборы не баллотируется вообще ни один кандидат.

Формальная роль партий остается почти неизменной и, по всей вероятности, не изменится и в обозримом будущем. Но если как на региональном, так и на федеральном уровнях влияние партий в ближайшее время фактически не упадет (оставим за скобками широкие дебаты об управляемости политики вообще), может ли в таком случае партийная демократия пошатнуться с другой стороны господства партий – их общественной поддержки? Не демонст-

---

¹ Аббревиатура от «Commodore 64» – первого 8-битного домашнего персонального компьютера с функцией игровой консоли, перевернувшего рынок в 1982 г. – *Прим. авт.*

² Имеются в виду Саксония, Саксония-Ангальт и Тюрингия. – *Прим. авт.*

рирует ли это наглядно вышеназванная проблема рекрутирования кандидатов на местном уровне?

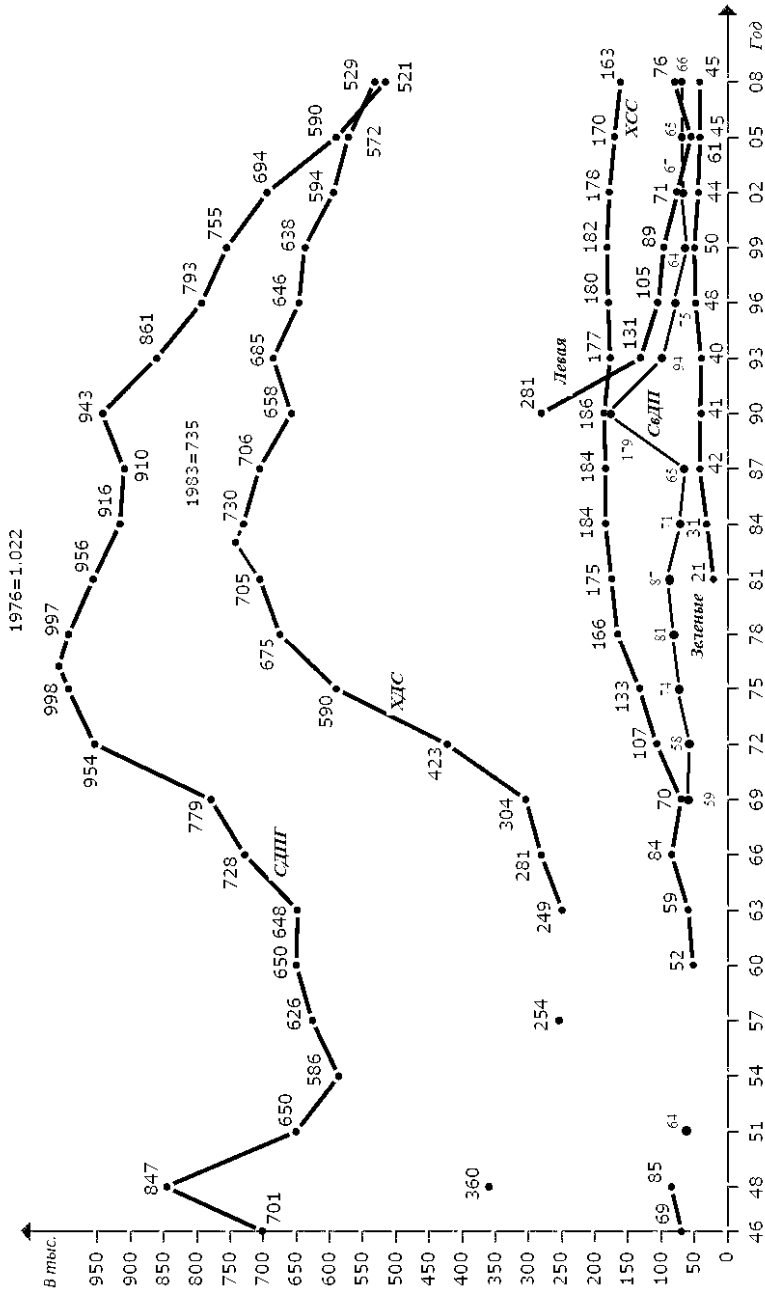
На самом деле, с конца 1970-х гг. партии страдают от постоянного сокращения количества зарегистрированных членов¹. Эта тенденция была прервана лишь на короткое время теми партиями, которые в 1990 г. смогли завербовать членов партий антифашистско-демократического блока ГДР. Об этом эпизоде развития немецкой политической системы зачастую забывают. Единственным достойным внимания исключением является партия Союз-90/Зелёные, само название которой напоминает о процессах политической интеграции в период воссоединения двух немецких государств. Несмотря на флуктуации, вызванные в большинстве случаев внутрипартийными и правительственными сменами курса, она оказалась единственной относительно стабильной партией. О других партиях, особенно СДПГ и ХДС, длительное время носивших и до сих пор претендующих на звание «народных партий»² [4. S. 225], при всем желании этого сказать нельзя. Численность СДПГ упала со своего наивысшего уровня в 1 022 000 членов в 1976 г. до 521 000 в 2008 г. (здесь и далее см.: рис. 1). Число владельцев партийных билетов ХДС упало с 735 000 в 1983 г. до 529 000 в 2008 г. Последние 20 лет не может записать себе в актив и младший партнер христианских демократов ХСС: число его членов упало с максимального для партии уровня в 186 000 человек в 1990 г. до 163 000 в 2008 г. Близкий показатель в 179 000 членов в 1990 г. кажется недостижимым и для СвДП, численность которой в 2008 г. упала до 66 000 человек. Численность «Левой» убывала с геометрической прогрессией с 281 000 в 1990 г. до 61 000 в 2005 г. и лишь благодаря слиянию с ИАРСС в 2007 г. достигла 76 000 в 2008 г. На этом фоне стабильным численным ростом может похвастаться лишь Союз-90/Зелёные: с 21 000 в 1982 г. до 45 000 в 2008 г.; по последним данным, в ноябре 2010 г. в партии было зарегистрировано 51 822 членов [15].

Если, помимо количественного состава, принять во внимание возрастную структуру членов партий, то партийная картина станет совсем мрачной. В ХДС доля членов старше 60 лет увеличилась с 30% в начале 1990-х гг. до 48% в 2007 г. (здесь и далее см.: рис. 2). Доля членов старше 60 лет в СДПГ выросла с 25,2% в 1991 г. до 46,7% в 2007 г. Доля пенсионеров³ в обеих «народных партиях» в 2002 г. составила 34% [Здесь и далее: 16]. Не выпадает из общей картины значительная часть ХСС: если в 1991 г. к группе старше 60 относились 26,8% членов, то в 2007 г. – уже 42,7%; доля пенсионеров в 2002 г. относительно «больших» партий оставалась умеренной – лишь 29%. СвДП подтверждает отмеченное развитие по крайней мере тенденциально: доля членов старше 60 лет в 1996 г. составляла 25,3% и в 2007 г. выросла до 34,9%; доля пенсионеров в 2002 г. оставалась сравнительно невысокой, ниже среднего уровня – 25%. Абсолютно противоположную тенденцию продемонстрировала «Левая» благодаря слиянию с Левой партией, ПДС и ИАРСС: в

¹ Важно отметить, что членство в партиях абсолютно свободное и партии не вправе создавать материальные стимулы для пополнения своих рядов. – *Прим. авт.*

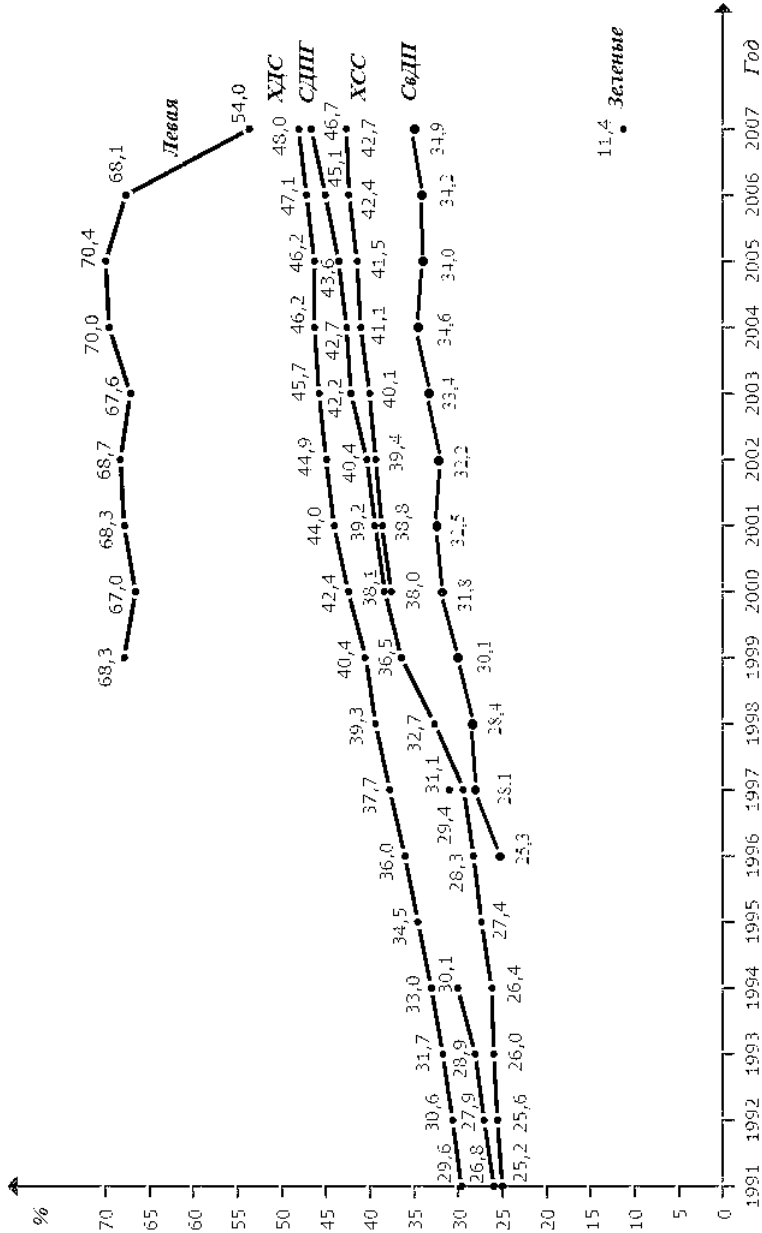
² Это определение отражает попытки современной партии заинтересовать максимальное количество избирателей широким спектром политических тем. – *Прим. авт.*

³ По немецкому законодательству людей старше 65 лет. – *Прим. авт.*

Источники: 1946–1969; Recker M., Tenfelde K. Handbuch zur Statistik der Parlamente und Parteien. Düsseldorf, 2005; 1970–1989: Jesse E. Die Demokratie der Bundesrepublik Deutschland. Baden-Baden: Nomos, 1997. S. 194; 1990–2008: Niedermayrer O. Parteimitglieder in Deutschland. Berlin, 2009.

Рис. 1. Численность партий ФРГ в 1946–2008 гг. (в тыс.)

Источник: *Niedertuauer O. Parteimitglieder in Deutschland. Berlin, 2009.*

Рис. 2. Члены партий старше 60 лет в 1991–2007 гг. (в %)

1999 г. 68,3% членов ПДС были старше 60, в 2007 г. благодаря объединению – лишь 54%; показательна, однако доля пенсионеров в ПДС в 2002 г. – 71%. Среди федеральных партий самой юной партией может считаться Союз-90/Зеленые: в 2007 г. лишь 11,4% ее членов были старше 60 лет, а доля пенсионеров в 2002 г. составила всего 5%. Однако ее тоже нельзя назвать партией молодежи¹: 75% ее членов – в возрасте от 30 до 59 лет [17].

Итак, если рассматривать исключительно внутривнутрипартийную структуру, то, не считая Союза-90/Зеленых, вывод можно сформулировать полемически остро: партийные билеты либо сдают в архив, либо забирают с собой в могилу, но не передают по наследству. В защиту партий следует отметить, что с аналогичными проблемами сталкивается также церковь, профсоюзы и другие укоренившиеся структуры. Дело в том, что молодежь дистанцируется от участия в традиционной политике в целом; с точки зрения будущего *партийной* демократии эта тенденция – пугающая. Согласно эмпирическим данным исследований немецкой политической культуры [18. S. 271–275.], все больше молодых людей в возрасте 15–24 лет оценивают свой интерес к политике как крайне незначительный. В 2006 г. политикой интересовались всего 39% опрошенных против 55% еще в 1985 г. Если же учесть явку на выборы, то выяснится, что параллельно снижается реальное политическое участие молодежи: явка среди молодых избирателей в большинстве случаев – на 20% ниже средней. Тем не менее очень важно, что наряду с отдалением от «большой» политики немецкая молодежь все активнее самореализуется в новых формах прямого общественного участия: общественных организациях, гражданских инициативах, международных неправительственных организациях и др. Таким образом, отмеченная выше тенденция по-настоящему угрожает будущему традиционных партий, но не демократии.

Однако не только молодежь, но и взрослое поколение граждан все больше устранивается от партийной политики, о чем может свидетельствовать стабильно падающее общее участие в выборах: на выборах всех уровней прослеживается тенденция почти исключительно в одном направлении – вниз. Явка на выборы в бундестаг в 2009 г. составила всего 70,8% против 77,7% еще в 2005 г. [5] и 82,2% в 1998 г. [19], т.е. за одиннадцать лет упала на 11,4%. Явка на выборы в ландтаг Северного Рейн-Вестфалии в 2010 г. составила 59,3% против 63% в 2005 г. и 71,8% в 1990 г. [11, 20]. Явка на выборы в городской совет г. Мюнстера упала с 84,8% в 1994 г. до 59,4% в 2004 г. и 58,2% в 2009 г. [21].

Растущую пропасть между партиями и обществом демонстрирует и падающая доля постоянных избирателей (т.е. «постоянных клиентов», из года в год голосующих за одну и ту же партию). На последних выборах в бундестаг доля избирателей, отдавших свой голос за определенную партию минимум второй раз подряд, по Западной Германии составляла всего 50–60%. В Восточной Германии «коэффициент верности» не составил и половины электората. Если же взять более длинный отрезок времени и учесть неявку на выборы, то станет очевидным, что постоянный избиратель в Германии – вымирающий вид [22. S. 91–92]. Зеркально отражает эту тенденцию доля избира-

¹ Следует иметь в виду, что «молодыми» люди в Германии считаются до 35 лет. – *Прим. авт.*

телей, изменяющих свою ориентацию, т.е. граждан, которые иногда совсем не ходят на выборы либо каждый раз голосуют за разные партии; при этом среди них немало тех, кто всякие выборы радикально меняет политический лагерь.

Утрату партиями и партийными политиками доверия избирателей косвенно подтверждают результаты соответствующего опроса, проведенного в мае 2009 г. институтом изучения общественного мнения «Форза» [9. S. 201], согласно которому 58% граждан считают, что ни одна партия в Германии не способна решить проблемы страны. При этом 70% опрошенных уверены, что партии обеспокоены не заботами своих избирателей, а вопросами завоевания и удержания власти. Примерно половина считает, что партии относятся к государству как к магазину самообслуживания, и добрая треть убеждена в коррумпированности партий и политиков.

Приведенные данные касаются, конечно, не только аспекта «партии и общества», но и вышеназванного третьего аспекта – «партии и партийная система». Как раз последний с 1980-х гг. подвержен глубоким изменениям. Если в недавнем прошлом партии становились темой общественных и научных дискуссий, то в первую очередь обсуждалось изменение партийной системы. Новую ситуацию, к которой, кажется, и сами партии не очень быстро привыкают, можно легко проиллюстрировать, если вспомнить о том, что на выборах в бундестаг в 1972 и 1976 гг. СДПГ, ХДС/ХСС и СвДП удалось собрать более 99% всех голосов [23]. В 2002 г. впервые за всю историю ФРГ ни одна из «народных партий» не переступила рубеж в 40% голосов на федеральных выборах, а в 2009 г. СДПГ и ХДС/ХСС вместе набрали всего 57% голосов избирателей [5]. Таким образом, партийная система Германии эволюционировала от классической двухпартийной, когда одна из конкурирующих партий могла самостоятельно формировать правительство, к трех-, четырех- и, наконец, «текучей пятипартийной» [24. S. 32], в которой конкурируют между собой не только две «старшие», но и три «младшие» партии, причем последние уже не борются за выживание, а набирают голоса около десятипроцентной отметки.

Фрагментация партийного ландшафта привела к значительному увеличению возможностей формирования правительственных коалиций, в первую очередь, на региональном уровне, который может служить полигоном для федерального, как, например, «красно-зеленые» коалиции в Гессене, Нижней Саксонии, Саксонии-Ангальт, Северном Рейн-Вестфалии, Шлезвиг-Гольштейне и Гамбурге для «красно-зеленой» коалиции в бундестаге в 1998–2005 гг. На момент написания этой статьи лишь в двух землях одна партия имела абсолютное большинство в ландтаге и, соответственно, была единственной правящей (Рейнланд-Пфальц – СДПГ; Гамбург – СДПГ), в остальных землях имели место «черно-желтые» (Бавария, Баден-Вюртемберг, Гессен, Шлезвиг-Гольштейн, Саксония, Нижняя Саксония), «красно-красные» (Берлин, Бранденбург), «большие»/«черно-красные» (Мекленбург-Передняя Померания, Саксония-Ангальт, Тюрингия), «красно-зеленые» (Бремен, Северный Рейн-Вестфалия) коалиции, а в случае с Сааром – даже «черно-желто-зеленая»/«ямайская» коалиция.

Насколько велика вероятность возникновения патовой ситуации, показали выборы в ландтаг Северного Рейн-Вестфалии в мае 2010 г., после которых пять партий в течение двух месяцев не могли сформировать правительство: после безуспешных попыток создать сначала «красно-черную», затем «красно-красно-зеленую» коалицию, не имея абсолютного большинства в ландтаге, правительство земли сформировали СДПГ и Союз-90/Зеленые. Учитывая взятый ХДС и СвДП курс на свержение правительства Ханелоры Крафт, эффективность последнего зависит от позиций «Левой». Примечательно, что при этом обе стороны конфликта, мысля устоявшимися категориями, намеренно «не замечают» 11 «левых» депутатов. Смогут ли «красно-зеленые» в Вестфалии воспроизвести «магдебургскую модель»¹ или очередной кризис приведет к новым выборам (которыми партии уже восемь месяцев угрожают друг другу), покажет время.

Еще более сложную ситуацию переживает система местного самоуправления после отмены в большинстве земель 5% барьера на муниципальных выборах. После соответствующего решения Федерального конституционного суда в отношении муниципалитетов Северного Рейн-Вестфалии в 1999 г. органы местного самоуправления столкнулись с выросшей процессуально-партийной политизацией и числом вето-игроков. Число фракций и парламентских группировок без статуса фракции в среднем увеличилось в местных советах на четыре в каждом городе, в результате чего парламент среднестатистического города Северного Рейн-Вестфалии насчитывает восемь фракций и группировок [25]. Как было показано выше, не является исключением и Мюнстер, в городском совете которого, помимо пяти представленных в бундестаге партий (за исключением ХСС, разумеется), заседают депутаты от Пиратской партии, Эколого-демократической партии и Независимого объединения избирателей г. Мюнстера. Такое разнообразие не только затрудняет образование парламентского большинства и коалиций, особенно в 30 больших городах² Северного Рейн-Вестфалии, в которых проживает половина населения земли, но и сковывает эффективность местных администраций, возглавляемых избираемыми населением напрямую бургомистрами, которым приходится исходить из возможности формирования оппозиционного большинства в городских советах. И если к Мюнстеру это относится в меньшей степени, то в остальных городах на «прочие партии» приходится в среднем 8–9% голосов избирателей, а в некоторых случаях (как, например, в Золингене) и все 14% [26].

В конечном счете, это развитие свидетельствует о выравнивании немецкой партийной системы относительно общеевропейской тенденции и новых стандартов [См.:27]. Исторический перелом произошел даже в классической двухпартийной системе Великобритании: после выборов в парламент в мае 2010 г. Дэвид Кэмерон возглавил (по результатам выборов впервые в истории королевства!) коалиционное правительство Консервативной партии и Либерально-демократической партии. Несмотря на то, что данные перемены пред-

¹ В 1994–1998 гг. СДПГ и «Зеленые» правили в Саксонии-Ангальт в меньшинстве, периодически опираясь на поддержку ПДС. – *Прим. авт.*

² С численностью населения более 100 тыс. жителей. – *Прим. авт.*

ставляют собой вызов для партий старой ФРГ, их ни в коем случае нельзя оценивать отрицательно. Разнообразие партий, по крайней мере, потенциально содействует лучшей интеграции различных интересов и – как показал пример «Зеленых» – интеграции протестующих групп целого поколения в политическую систему республики.

С точки зрения партийной демократии это развитие хоть и примечательно, но в целом не имеет прямых последствий для партийной демократии как таковой. Конечно, некоторые партии вынуждены столкнуться с повышенным давлением со стороны конкурентов, и традиционное «лагерное» мышление теряет значение под влиянием прикладной «партийной арифметики», однако все эти изменения происходят на основе по меньшей мере принципиального взаимного уважения и признания и, что очень важно для позитивной оценки демократии, устойчивого ядра разделяемых ценностей. Конечно, все это неизбежно ведет к соперничеству, а при определенных условиях даже к открытому бойкоту в ежедневной политической рутине. Но гораздо важнее всеобщее признание того, что в конечном счете эти конфликты происходят между демократическими партиями, а не за их пределами. Другими словами, принципиально роль партий в демократии не изменилась.

Партийная демократия, власть и легитимность

Открытым остается вопрос о том, что следует из этой эволюции. В каком же состоянии находится партийная демократия в 2011 г.? И как обстоит дело с четвертым аспектом – справляются ли партии до сих пор с ролью посредников между системой власти и обществом? Кратко описанные выше тенденции указывают на разрыв между стабильной официальной ролью и властными функциями партий, с одной стороны, и их общественным признанием, с другой. И это может иметь последствия для легитимности власти партий, если она больше не будет привязана к интересам граждан. Ответить на вопрос, где стоит искать основные причины такого развития: в самих партиях или гражданах, – пожалуй, невозможно, тем более что и те, и другие взаимно усиливаются: неверно истолкованная профессионализация, частичная одержимость властью и непопулярные действия под давлением (условных, заданных, реальных?) обстоятельств, с одной стороны, и завышенные ожидания при одновременной пассивности, недоверии и общем неприятии партий и их представителей, с другой стороны, действуют друг на друга и подтверждают друг друга.

Что это означает для демократии в ФРГ? Пожалуй, сначала следует напомнить о том, что старая (и раньше часто критикованная) партийная демократия не всегда и не при всех обстоятельствах могла считаться демократией чистейшей воды. К старой партийной системе относился и разношерстный, объединенный, казалось, лишь желанием выбрать канцлера ХДС, и то анархичная, то иерархичная рабочая партия СДПГ, и то бросавшаяся вправо, то выставлявшая себя посмешищем СвДП. Отвлекаясь от этих замечаний, важно помнить, что демократия не сводится к одним лишь партиям. Конечно, тревожно наблюдать за тем, как партии, являющиеся главными носителями власти, теряют легитимность. Но демократия, вероятно, может обойтись и

меньшей ролью партий. Это не следует понимать как банальное «без партий нам всем было бы куда лучше»; подобное высказывание должно предполагать содержательно обоснованную критику партий, а не только (наверняка еще не полный) обзор различных симптомов кризиса. Тезис о том, что в политической системе может быть «меньше партии», означает, с одной стороны, лишь то, что в международном сравнении современных демократий немецкая модель партийной демократии представляет лишь одну из возможностей *управления* и *интеграции* высококомплексного современного общества. Без партий не обходится ни одна западная демократия; партии представляются необходимыми для того, чтобы политическая активность в демократических политических системах, охватывающих многомиллионное население, вообще была возможной. При этом значение понятия «партия» в каждом государстве свое и, конечно, подвержено реформированию, совершенствованию и переосмыслению.

С другой стороны, стоит задуматься о том, что демократия подразумевает нечто большее, нежели просто система контроля *государственной* власти. С демократией – и это постоянно подчеркивали американские прагматисты [см.: 28. Р. 204–206] – связана также разновидность общественной организации и, более того, форма жизни. Форма жизни, которая привносит политико-демократические добродетели в будни семейных, частных, учебных, профессиональных и др. отношений, пронизывает их и делает неотъемлемой частью современного общества. Разумеется, подобное толкование не исключает контроля, ограничения и участия во власти. Но демократия в широком смысле не может сводиться к «правильной» процедуре назначения и сдерживания политических элит. Поэтому Джон Дьюи разграничивал демократию как форму правления и демократию как форму жизни, основанную на принципах коллективного сотрудничества, индивидуального участия и ответственности, интеграции и толерантности, равноправия и солидарности [см.: 29]. И если понимать демократию как непрерывную и бесконечную попытку совершенствования общества с учетом всех граждан (и неграждан, то есть всех, подчиняющихся коллективным решениям), то дистанцирование «источника власти» от партийной политики окажется катастрофичным лишь для самих партий и демократии в узком, традиционном смысле. Демократии в широком, прагматичном смысле оно непосредственной угрозы не представляет и, вероятно, даже открывает широкие возможности для новых форм прямого и опосредованного политического участия, которые все сильнее укореняются в Германии¹. Тем не менее даже с учетом этого «демократического индивидуализма» [30. S. 80–95.] нельзя приветствовать снижающуюся легитимность партийной демократии в Германии, так как партии будут участвовать во власти и в обозримом будущем, и эта форма власти, по всей видимости, сохранится, несмотря на «размытую» легитимность. Однако зафиксированный кризис доверия наводит на размышления о необходимости дальнейшей демократизации внутри партий и за их пределами.

---

¹ К сожалению, приходится констатировать большое отличие от нынешней ситуации в России, где понятие «демократия» воспринимается исключительно как форма властных отношений и в связи с печальным опытом 1990-х гг. носит негативный оттенок.

Демократизация внутри партий могла бы означать усиление элементов прямой демократии, более интенсивную связь между партийной массой и руководством [см.: 31; 32]. Возможно, эти процессы могли бы проходить параллельно с демократизацией внутрипартийной демократической культуры. Партии, осознающие себя по-настоящему демократическими по отношению к самим себе, могли бы обойтись без регулярных угроз выхода из партии со стороны простых членов и бескомпромиссной политикой руководства в связи с мнимым «давлением обстоятельств». Кроме того, партии могли бы быть более открытыми для кратковременного сотрудничества с нечленами, будь то разработка и осуществление содержательной части программ (как в случае с амбициозным проектом Герхарда Шредера «Повестка дня – 2010») либо выдвижение кандидатов на государственные должности (как в случае с выборами Федерального президента в июне 2010 г., когда СДПГ и Союз-90/Зеленые выдвинули беспартийного кандидата Йоахима Гаука). Важно, чтобы каналы коммуникации и влияния были достаточно широкими для того, чтобы политически активные граждане могли участвовать в политике партий, не отдавая себя полностью делу партии.

Демократизация могла бы также означать наличие у граждан в целом более широкого и менее опосредованного доступа к осуществлению демократической формы правления, расширение самоуправления «зрелых» граждан. Степень «зрелости» немецких граждан иллюстрируют многочисленные гражданские инициативы против проекта модернизации железнодорожного транспортного узла «Штутгарт 21», вылившиеся полгода назад в открытый конфликт горожан с властями, до сих пор приковывающие к себе внимание немецкой общественности.

Это могло бы вновь поднять вопрос о радиусе демократии: если мы в принципе хотим демократии, а демократия – форма власти, то сколько власти необходимо, чтобы вообще можно было говорить о демократии? И какие сферы общественной жизни должна охватывать эта власть? В теории демократии (начиная от Ж.-Ж. Руссо и Дж. Мэдисона) и общественных дискуссиях традиционно, и зачастую полностью оправданно, поднимают вопрос об ограничении демократии как власти большинства. Последний мировой финансовый кризис позволяет повернуть этот аргумент в другую сторону: если демократия – это коллективное, управляемое через признанные процедуры созидание общества и основанная на взаимном уважении форма жизни, насколько далеко мы должны распространить демократическое правление, чтобы вообще можно было говорить о форме коллективной самоорганизации? Не означает ли это, что в будущем нужно будет проверять все больше сфер общественной жизни на предмет неконтролируемых властных отношений и при необходимости демократизировать их? Ответы на эти вопросы требуют детального анализа реальных тенденций развития и определения шансов действий. Пытаться сделать это сейчас и изложить многочисленные выводы и рекомендации по прямой демократии, гражданскому участию и экономической демократии формат статьи, конечно, не позволяет.

Прежде чем в заключении вернуться к вопросу о конце партийной демократии, позволим себе сделать замечание в адрес нашей дисциплины – политологии. В то время как тема демократии и демократического участия по ту

сторону партий остается вечно актуальной в политической науке (в Германии она изначально носила статус «науки о демократии» [33. S. 358]), для избалованного вниманием СМИ направления «партийные исследования» характерна известная однобокость, почти что стерильность в обращении с предметом исследования. В нем доминируют описательные, частично демоскопические работы и своего рода корреспонденция о выборах, чья научная притязательность порой крайне ограничена, чему способствуют потребности СМИ в коротких, готовых к печати и отправке высказываниях. Возможно, имело бы смысл в будущем сосредоточиться на консультировании партий, которое затрагивало бы не только уже имеющее место предметное общение в кругах экспертов или оптимизацию связей программы и персонала с общественностью, но и самосознание как партии в современном обществе XXI века в целом.

Заключение

«Конец партийной демократии в Германии?» – так называется эта статья. Отмеченные выше тенденции не угрожают ни партиям, ни их значимости во властных отношениях, по крайней мере, на федеральном и региональном уровнях. Следовательно, в обозримом будущем стоит ожидать не конец партийной демократии как таковой, а конец старой, нам так хорошо знакомой партийной демократии прошлого века.

В местном самоуправлении, принимая во внимание членство в партиях, нельзя не отметить тенденцию к тому, что партии и сама партийная демократия теряют общественную поддержку. Это может привести к кризису легитимности политической власти, в худшем случае – даже к общей и неосмысленной, хоть и вполне объяснимой, критике демократии, смешивающей «партии», «политику» и «демократию» в одном котле. Критике не только иррациональной, но и не осознающей, что демократическая политика зависит не столько от пассивных зрителей, сколько от, по крайней мере, конструктивно-критичных граждан, а в лучшем случае, активных демократов. Таким образом, стоит особенно внимательно следить за развитием событий в «школе демократии» – муниципалитетах (даже авторы «Большой советской энциклопедии» признавали их «важным институтом буржуазной демократии» [34]). Они представляют собой увлекательное поле для исследований, позволяющее изучить дальнейшее развитие партий, в особенности их взаимодействие с альтернативными формами политического участия.

Чтобы предотвратить описанное выше опасное развитие, возможно, следует отнестись к падающей поддержке партий как к поводу для раздумий о демократии в партиях и за их пределами. Отправной точкой могли бы стать наряду с реалистичными размышлениями о дальнейших возможностях прямого влияния, «открытия» партий и децентрализации полномочий принимать решения дебаты о демократизации общества в целом. Ведь шестидесятилетняя политическая история ФРГ – это история не только партийной демократии со всеми ее светлыми и темными сторонами, но и попытки выйти за ее рамки под лозунгом «Отважмся на большую демократию!»¹. Поэтому для

---

¹ Политический лозунг Вилли Брандта, озвученный канцлером в правительственном заявлении 28.10.1969. – *Прим. авт.*

будущего демократии в Германии желательно, чтобы дебаты о демократии по обе стороны партий велись не только абстрактно, но и выливались в конкретные рекомендации по возможным действиям. Это относится и к политической науке.

Литература

1. *Alemann U.v.* Das Parteiensystem der Bundesrepublik Deutschland. Wiesbaden: VS, 2010.
2. *Morlok M.* Politische Chancengleichheit durch Abschottung? Die Filterentwicklung politischer Parteien gegenüber gesellschaftlichen Machtpositionen // Krise oder Wandel der Parteiendemokratie? / Gehne D., Spier T. - Wiesbaden: VS, 2010. S. 19–36.
3. *Decker F.* Parteiendemokratie im Wandel. // Handbuch der deutschen Parteien / Decker F., Neu V. Wiesbaden: VS, 2007. S. 19–61.
4. *Schubert K., Klein M.* Das Politiklexikon. Bonn: Dietz, 2006. [В этом году выходит русское издание!]
5. Endgültiges Ergebnis der Bundestagswahl 2009 / Der Bundeswahlleiter. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bundeswahlleiter.de/de/bundestagswahlen/BTW_BUND_09/ergebnisse/bundesergebnisse/ [10.03.2011].
6. *Stöss R.* Parteienstaat oder Parteiendemokratie? // Parteiendemokratie in Deutschland / Gabriel O., Niedermayer O., Stöss R. Bonn, 2001.
7. *Jesse E.* Die Parteiendemokratie in der Krise. Köln: Bachem, 2008.
8. *Kremp W.* (Hrsg.) Wandel der Parteiendemokratie: Macht ohne Substanz? Stuttgart: Lucius & Lucius, 2007.
9. *Gabriel O.W., Holtmann E.* Der Parteienstaat - Gefahrgut für die Demokratie? Ideologiekritische und empirische Anmerkungen zu einer aktuellen Debatte // Parteiendemokratie in der Bewährung / Liedhegener A., Oppeland T. Baden-Baden: Nomos, 2009. S. 189–209.
10. *Gehne D., Spier T.* Krise oder Wandel der Parteiendemokratie? // Krise oder Wandel der Parteiendemokratie? / Gehne D., Spier T. Wiesbaden: VS, 2010. S. 7–19.
11. Endgültiges Ergebnis für Nordrhein-Westfalen / Die Landeswahlleiterin des Landes Nordrhein-Westfalen. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wahlergebnisse.nrw.de/landtagswahlen/2010/aktuell/dateien/a137lw1000.pdf> [10.03.2011].
12. *Bartels H.* Die Piratenpartei: Entstehung, Forderungen und Perspektiven der Bewegung. Berlin: Contumax-Verl., 2009.
13. *Andersen U.* Gemeinden/kommunale Selbstverwaltung. // Handwörterbuch des politischen Systems der Bundesrepublik Deutschland / Andersen U., Woyke W. Wiesbaden: VS, 2009. S. 219–229.
14. *Bartsch M.* Sieben Ost-Gemeinden sagen Wahl ab: Kommunalpolitik ohne Kandidaten // TAZ, 11.05.2009.
15. *Gathmann F.* Grüne melden Mitgliederrekord // Spiegel Online, 25.11.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/0,1518,731019,00.html> [10.03.2011].
16. *Heinrich R., Malte L., Heiko B.* Parteimitglieder im Vergleich: Partizipation und Repräsentation. Kurzfassung des Abschlussberichts zum gleichnamigen DFG-Projekt. 2002.
17. *Niedermayer O.* Parteimitglieder in Deutschland // Arbeitspapiere des Otto-Stammer-Zentrums. Nr. 13. Berlin, 2008.
18. *Deichmann C.* Parteien-, Politik- und Demokratieverdrossenheit - eine Herausforderung für die politikdidaktische Forschung und für die Praxis der politischen Bildung // Parteiendemokratie in der Bewährung / Liedhegener A., Oppeland T. Baden-Baden: Nomos, 2009. S. 271–286.
19. Wahl zum 14. Deutschen Bundestag am 27. September 1998 / Der Bundeswahlleiter [Электронный ресурс]. URL: http://www.bundeswahlleiter.de/de/bundestagswahlen/fruehere_bundestagswahlen/btw1998.html [10.03.2011].
20. Landtagswahlen ab 1950 / Die Landeswahlleiterin des Landes Nordrhein-Westfalen. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wahlergebnisse.nrw.de/landtagswahlen/1950/index.html> [10.03.2011].
21. Kommunalwahlen am 30.08.2009, Endgültiges Ergebnis für kreisfreie Stadt Münster / Die Landeswahlleiterin des Landes Nordrhein-Westfalen. [Электронный ресурс]. URL: http://www.wahlergebnisse.nrw.de/kommunalwahlen/2009/Stadtraete_kreistage/a515000kw0900.html [10.03.2011].

22. *Rattinger H., Schoen H.* Ein Schritt vorwärts und zwei zurück? Stabiles und wechselndes Wahlverhalten bei Bundestagswahlen 1994 bis 2005. // *Wahlen und Wähler. Analysen aus Anlass der Bundestagswahl / Gabriel O.W., Weßels B., Falter J.W.* Wiesbaden: VS, 2005. S. 78–102.
23. Wahl zum 8. Deutschen Bundestag am 3. Oktober 1976 / Der Bundeswahlleiter. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bundeswahlleiter.de/de/bundestagswahlen/fruehere_bundestagswahlen/btw1976.html [10.03.2011].
24. *Niedermayer O.* Das fluide Fünfparteiensystem nach der Bundestagswahl 2005 // *Die Parteien nach der Bundestagswahl 2005 / Niedermayer O.* Wiesbaden: VS, 2008. S. 9–35.
25. *Bogumil J., Grohs S., Holtkamp L.* Auswirkungen der Abschaffung der kommunalen 5 %-Sperrklausel. Wissenschaftliches Gutachten für die SPD-Landtagsfraktion NRW. Düsseldorf, 2009.
26. Kommunalwahlen am 30.08.2009, Endgültiges Ergebnis für kreisfreie Stadt Solingen / Die Landeswahlleiterin des Landes Nordrhein-Westfalen. [Электронный ресурс]. http://www.wahlergebnisse.nrw.de/kommunalwahlen/2009/Stadtraete_kreistage/a122000kw0900.html [10.03.2011].
27. *Mayer T.* (Hrsg.) Europäisches Parteiensystem im Umbruch. Bonn: Dietz, 2010.
28. *Wiener P.P.* Evolution and the Founders of Pragmatism. New York: Harper, 1965.
29. *Dewey J.* Demokratie und Erziehung (übersetzt von E. Hylla). Braunschweig: Westermann, [1916] 1964.
30. *Schubert K.* Innovation und Ordnung. Grundlagen einer pragmatischen Theorie der Politik. Münster: Lit-Verlag, 2003.
31. *Alemann U. v.* Neue Bürgergesellschaft, alte Parteien? Zur Notwendigkeit einer partizipativen Parteireform // *Parteien in der Bürgergesellschaft: Zum Verhältnis von Macht und Beteiligung / Dettling D.* Wiesbaden: VS, 2005. S. 43–48.
32. *Vester M.* Die Krise der politischen Repräsentation. Spannungsfelder und Brüche zwischen politischen Eliten, oberen Milieus und Volksmilieus // *Oberschichten-Eliten-Herrschende Klassen / Hardil S., Imbusch P.* Opladen, 2003. S. 237–270.
33. *Stammen T.* Politikwissenschaft // *Handlexikon zur Politikwissenschaft / Mickel W.F.* Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung, 1986. S. 357–362.
34. Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 17: Моршин – Никиш / ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1974.